

4. Политическая забастовка

Не все крупные забастовки рабочих в прошлом веке были связаны с заработной платой и условиями труда. Кроме так называемых экономических забастовок, происходили и политические забастовки. Их целью было продвижение или предотвращение какой-либо политической меры. Они были направлены не против работодателей, а против правительства государства, чтобы побудить его предоставить работникам больше политических прав или отговорить их от неприятных действий. Таким образом, могло случиться, что работодатели соглашались с целями и будут поощрять забастовку.

В капитализме необходимо определенное социальное равенство и политические права рабочего класса. Современное промышленное производство основано на сложной технике, продукте высокоразвитых знаний, и требует тщательной личной кооперации и способностей работников. Максимальное напряжение сил не может, как в случае с мигрантами или рабами, быть вызвано грубым физическим принуждением, бичеванием или возмущением; оно может быть отомщено столь же грубым неправильным обращением с орудиями труда. Ограничение должно исходить из внутренних побуждений, из моральных средств давления, основанных на индивидуальной ответственности. Работники не должны чувствовать себя бессильными озлобленными рабами; у них должны быть средства для борьбы с нанесенными им обидами. Они должны чувствовать себя свободными распорядителями своей рабочей силы, прилагая все свои силы, потому что формально и видимо они сами определяют свой удел в общей конкуренции. Для поддержания себя в качестве рабочего класса им нужны не только личная свобода и правовое равенство, провозглашенное законами среднего класса: для обеспечения этих возможностей необходимы особые права и свободы: право на объединение, право на собрание, право на создание профсоюзов, свобода слова, свобода печати. И все эти политические права должны быть защищены всеобщим избирательным правом, чтобы рабочие могли отстаивать свое влияние на парламент и закон.

Капитализм начал с отказа от этих прав, в чём ему помогали унаследованный деспотизм и отсталость существующих правительств, и пытался сделать рабочих беспомощными жертвами его эксплуатации. Лишь постепенно, в результате ожесточенной борьбы с бесчеловечным угнетением, некоторые права были завоеваны. Поскольку на первом этапе капитализм опасался враждебности низших классов, ремесленники обеднели от его конкуренции, а рабочие голодали из-за низких зарплат, избирательное право сохранялось только за богатыми классами. Только в более поздние времена, когда капитализм был прочно укоренен, когда его прибыли были большими и его правление было обеспечено, ограничения на голосование были постепенно сняты. Но только под сильным давлением, часто жесткой борьбой со стороны рабочих. Борьба за демократию наполняет историю

отечественной политики XIX века, сначала в Англии, а затем и во всех странах, где появился капитализм.

В Англии всеобщее избирательное право было одним из основных пунктов хартии требований, выдвинутых английскими рабочими в чартистском движении, их первый и самый славный период борьбы. Их агитация была сильным стимулом для правящего класса землевладельцев уступить давлению одновременного реформистского движения восходящих промышленных капиталистов. Таким образом, посредством Закона о реформах 1832 года промышленные работодатели получили свою долю в политической власти; но рабочие должны были вернуться домой с пустыми руками и продолжить свою напряженную борьбу. Затем, в кульминационный момент чартизма, в 1839 году был спроектирован «священный месяц», когда все рабочие должны были отдыхать до тех пор, пока требования не были удовлетворены. Таким образом, английские рабочие первыми объявили политическую забастовку как оружие в своей борьбе. Но она не могла быть приведена в действие; при вспышке (1842 г.) ее пришлось безуспешно прервать; она не смогла обуздать большую силу теперь уже объединенных правящих классов землевладельцев и фабрикантов. Лишь через поколение, когда после периода небывалого промышленного процветания и расширения пропаганда была вновь подхвачена, теперь же объединенными в «Международное товарищество трудящихся» («Первый Интернационал» Маркса и Энгельса) профсоюзами, общественное мнение среднего класса было готово последовательными шагами расширить избирательное право для рабочего класса.

Во Франции всеобщее избирательное право с 1848 года являлось частью республиканской конституции, зависимое как таковое правительство всегда опиралось на поддержку трудящихся. В Германии основание империи в 1866-70 годах, продукт лихорадочного капиталистического развития, активизировавшего всё население, повлекло за собой всеобщее избирательное право как гарантию постоянного контакта с массами народа. Но во многих других странах имущий класс, часто только привилегированная его часть, держался за свою монополию на политическое влияние. Здесь кампания за избирательный бюллетень, очевидно являющийся воротами к политической власти и свободе, пробуждала всё большую часть рабочего класса к участию, к организации и к политической деятельности. И наоборот, страх имущих классов перед политическим господством пролетариата усилил их сопротивление. Формально этот вопрос выглядел безнадежным для масс; всеобщее избирательное право должно было быть законно введено парламентом, избранным привилегированным меньшинством, и таким образом предложено разрушить его собственные основы. Это означает, что только чрезвычайными средствами, давлением извне, наконец, политическими массовыми ударами можно было достичь поставленной цели. Как это происходит, можно узнать из классического примера бельгийской избирательной забастовки 1893 года.

В Бельгии в результате ограниченной переписи населения правительство постоянно находилось в руках небольшой клики консерваторов клерикальной партии. Условия труда на угольных шахтах и фабриках, как известно, были одними из самых худших в Европе и приводили к взрывам во время частых забастовок. Расширение избирательного права как способ социальной реформы, часто предлагаемое некоторыми немногими либеральными парламентариями, всегда снова терпело поражение со стороны консервативного

большинства. Тогда Рабочая партия, агитируя, организуясь и готовясь в течение многих лет, приняла решение о всеобщей забастовке. Такая забастовка должна была оказать политическое давление во время парламентской дискуссии по предложению о новом избирательном праве. Она должна была продемонстрировать повышенный интерес и мрачную волю масс, отказавшихся от своей работы, чтобы всё внимание было сосредоточено на этом фундаментальном вопросе. Она должна была пробудить все безразличные элементы среди рабочих и представителей малого бизнеса, чтобы принять участие в том, что для всех них является жизненным интересом. Она должна была показать узколобым правителям социальную власть рабочего класса, убедить их в том, что он отказывается дольше оставаться под опекой. Сначала, конечно, парламентское большинство заняло свою позицию, отказалось от давления извне, желая принимать решения по собственной воле и совести; поэтому оно взяло из списков законопроекты об избирательном праве и якобы начало обсуждать другие вопросы. Но тем временем забастовка продолжалась, продлевалась всё время, и производство застопорилось, движение прекратилось, и даже послушные государственные службы стали проявлять недовольство. Сам государственный аппарат был затруднен в выполнении своих функций, а в мире бизнеса, с нарастающим чувством неопределенности, громко прозвучало мнение, что удовлетворять требования не так опасно, как спровоцировать катастрофу. Поэтому решимость парламентариев начала рушиться, они чувствовали, что должны сделать выбор между уступкой или подавлением удара военной силой. Но можно ли в таком случае доверять солдатам? Таким образом, их сопротивление должно было уступить место; воля и совесть должны были быть пересмотрены, и, наконец, они приняли и утвердили предложения. Рабочие, с помощью политической забастовки, достигли своей цели и завоевали свое основное политическое право.

После такого успеха многие рабочие и их представители предположили, что это новое мощное оружие можно будет чаще использовать для победы в важных реформах. Но в этом они были разочарованы; история рабочего движения знает больше неудач, чем успехов в политических забастовках. Такая забастовка пытается навязать волю рабочих правительству капиталистического класса. Это что-то вроде бунта, революции, и вызывает в этом классе инстинкты самообороны и импульсы подавления. Эти инстинкты были подавлены, когда часть самой буржуазии раздражалась отсталостью политических институтов и ощущала потребность в новых реформах. Тогда массовая акция рабочих стала инструментом модернизации капитализма. Поскольку рабочие были едины и полны энтузиазма, в то время как собственнический класс в любом случае был разобщен, забастовка удалась. Она могла увенчаться успехом не из-за слабости капиталистического класса, а из-за силы капитализма. Капитализм укрепляется, когда его корни, благодаря всеобщему избирательному праву, обеспечивающему, по крайней мере, политическое равенство, глубже проникают в рабочий класс. Голосование трудящихся принадлежит развитому капитализму, потому что трудящиеся нуждаются в избирательном праве, а также в профсоюзах, чтобы сохранить свою функцию в капитализме.

Если теперь, однако, в мелочах они должны считать себя способными навязывать свою волю вопреки реальным интересам капиталистов, то они находят этот класс твердой преградой против них. Они чувствуют это как инстинкт; и, не будучи увлечены великой вдохновляющей целью, которая развеивает все колебания, они остаются неопределенными

и разделенными. Каждая группа, видя, что забастовка не является универсальной, в свою очередь, колеблется. Добровольцы других классов предлагают себя за наиболее необходимые услуги и движение; хотя они на самом деле не в состоянии поддерживать производство, их деятельность, по крайней мере, отбивает у бастующих охоту. Запрет на собрания, демонстрацию вооруженных сил, военное положение могут еще больше продемонстрировать власть правительства и волю к ее использованию. Поэтому забастовка начинает рушиться и должна быть прекращена, часто со значительными потерями и разочарованием для побежденных организаций. В подобных опытах рабочие обнаружили, что своей внутренней силой капитализм способен противостоять даже хорошо организованным и массовым нападениям. Но в то же время они чувствовали себя уверенными в том, что при массовых ударах, если их наносить только в нужное время, они обладают мощным оружием.

Эта точка зрения была подтверждена во время первой русской революции 1905 года. В массовых забастовках он проявил совершенно новый характер. Россия того времени показала только зачатки капитализма: несколько крупных фабрик в больших городах, поддерживаемых в основном иностранным капиталом за счет государственных дотаций, где голодающие крестьяне стекались работать промышленными руками. Профсоюзы и забастовки были запрещены, правительство было примитивным и деспотичным. Социалистической партии, состоящей из интеллигенции и рабочих, пришлось бороться за то, что уже установили революции среднего класса в Западной Европе: уничтожение абсолютизма и введение конституционных прав и законов. Поэтому борьба русских рабочих должна была быть спонтанной и хаотичной. Сначала в виде диких забастовок против жалких условий труда, жестко подавленных казаками и милицией, затем приобретающих политический характер, в виде демонстраций и разворачивания красных флагов на улицах, борьба проявлялась сама по себе. Когда русско-японская война 1905 года ослабила царское правительство и показала свою внутреннюю гниль, революция вспыхнула как серия диких ударов в гигантском масштабе. Теперь они вспыхнули, как лесной пожар, с одной фабрики, из города в город, что привело к остановке всей промышленности; затем они растворились в небольших местных забастовках, умирая после некоторых уступок работодателей, или растворились до тех пор, пока не появились новые всплески. Часто происходили уличные демонстрации и драки против полиции и солдат. Наступали дни победы, когда делегаты заводов собирались без сопротивления, чтобы обсудить ситуацию, затем вместе с представителями других групп, даже повстанческих солдат, чтобы выразить свое сочувствие, в то время как власти пассивно стояли в стороне. Затем правительство вновь предприняло шаг и арестовало весь состав делегатов, и забастовка закончилась апатией. Пока, наконец, в серии баррикадных боев в столице движение не было подавлено военной силой.

В Западной Европе политические забастовки были тщательно продуманными действиями, осуществляемыми лидерами профсоюза или социалистической партии, по специально обозначенным целям. В России забастовочное движение было отвращением жестоко оскорбленного, неконтролируемого человечества, как шторм или наводнение, пробивающее себе дорогу. Это была не борьба организованных рабочих, претендующих на давно отвергнутое право, это был подъем опустошенной массы в человеческое сознание в единственно возможной форме борьбы. Здесь не могло быть и речи об успехе или

поражении, факт вспышки был уже победой, больше не отменяемой, началом новой эпохи. Внешне движение было подавлено, и царское правительство снова стало хозяином. Но на самом деле эти удары нанесли удар по царству, от которого оно не могло оправиться. Были проведены некоторые реформы — политические, промышленные и аграрные. Но всю ткань государства с его произвольным деспотизмом неспособных чиновников модернизировать не удалось, она должна была исчезнуть. Эта революция подготовила следующую, в которой должна была быть уничтожена старая варварская Россия.

Первая русская революция оказала сильное влияние на идеи рабочих Центральной и Западной Европы. Здесь началось новое развитие капитализма, которое заставило почувствовать потребность в новых и более мощных методах борьбы для обороны и для нападения. Экономическое процветание, начавшееся в девяностые годы и продолжавшееся до Первой мировой войны, принесло беспрецедентный рост производства и богатства. Расширялась промышленность, особенно черная металлургия, открывались новые рынки сбыта, строились железные дороги и заводы в зарубежных странах и на других континентах; теперь впервые капитализм распространился по всей земле. Америка и Германия были сценами самого быстрого промышленного развития. Увеличилась заработная плата, почти исчезла безработица, профсоюзы превратились в массовые организации. Рабочие были наполнены надеждами на постоянный прогресс в процветании и влиянии, а видения предвещали наступление эпохи индустриальной демократии.

Но потом, на другой стороне общества, они увидели другой образ. Крупный капитал сконцентрировал производство и финансы, богатство и власть, в нескольких руках и создал сильные промышленные концерны и капиталистические ассоциации. Потребность в расширении, в распоряжении внешних рынков и сырьевых ресурсов положила начало политике империализма, политике укрепления связей со старыми и завоевания новых колоний, политике растущего антагонизма между капиталистическими классами разных стран, а также политике увеличения вооружений. Старые мирные идеалы свободной торговли «маленьких англичан» были высмеяны и уступили место новым идеалам национального величия и могущества. На всех континентах, в Трансваале, в Китае, на Кубе и Филиппинах, на Балканах разразились войны; Англия укрепила свою империю, а Германия, претендуя на свою долю в мировой державе, подготовилась к мировой войне. Крупный капитал в своей растущей мощи все больше определял характер и мнения всей буржуазии, наполняя ее антидемократическим духом насилия. Хотя иногда она пыталась заманить рабочих перспективой доли в добыче, в целом было меньше склонности, чем в прежние времена, идти на уступки труду. Каждая забастовка за лучшую зарплату, проводимая для того, чтобы догнать рост цен, наталкивалась на более жесткое сопротивление. Реакционные и аристократические тенденции завладели правящим классом, речь шла не о продлении, а об ограничении народных прав, звучали угрозы, особенно в континентальных странах, подавления недовольства трудящихся насильственными методами.

Таким образом, обстоятельства изменились и меняются все больше и больше. Власть рабочего класса возросла благодаря его организации и его политической деятельности. Но власть капиталистического класса возросла еще больше. Это означает, что можно ожидать более тяжелых столкновений между двумя классами. Поэтому рабочим пришлось искать другие, более сильные методы борьбы. Что им делать, если регулярно даже самые

оправданные забастовки встречаются с большими локаутами или если их парламентские права сокращаются или обходятся, или если капиталистическое правительство начнет войну, несмотря на их срочные протесты?

Легко заметить, что в таких условиях в рабочем классе было много размышлений и дискуссий о массовых акциях и политической забастовке, и что всеобщая забастовка пропагандировалась как средство против начала войны. Изучая примеры таких акций, как бельгийская и российская забастовки, пришлось рассматривать условия, возможности и последствия массовых акций и политических забастовок в наиболее высокоразвитых капиталистических странах с сильными правительствами и мощными капиталистическими классами. Очевидно, что против них существуют большие шансы. То, что не могло произойти в Бельгии и России, стало бы здесь непосредственным результатом: уничтожение их организаций. Если бы объединенные профсоюзы, социалистические или трудовые партии объявили всеобщую забастовку, то правительство, будучи уверенным в поддержке всего правящего и среднего класса, несомненно, смогло бы заключить лидеров в тюрьму, преследовать организации как угрожающие безопасности государства, подавить их газеты, в состоянии осады помешать всем взаимным контактам забастовщиков и, мобилизовав военные силы, утвердить свою бесспорную государственную власть. Против такой демонстрации силы у рабочих, изолированных, подверженных угрозам и клевете, удрученных искаженной информацией из прессы, не было бы никаких шансов. Их организации были бы распущены и сломаны. И организации проиграют, плоды многолетней самоотверженной борьбы – все потеряно.

Так утверждали политические и трудовые лидеры. Действительно, для них, с их мировоззрением, полностью ограниченным в рамках современных форм организации, это должно выглядеть именно так. Таким образом, они в корне противостоят политическим забастовкам. Это означает, что в такой форме, как умышленные и хорошо продуманные действия существующих организаций, направленные их лидерами, такие политические забастовки невозможны. Не более чем гроза в безмятежной атмосфере. Может быть, и правда, что для достижения особых целей, полностью подвластных капиталистической системе, политическая забастовка остается полностью в рамках правового порядка, так что после ее окончания капитализм возвращается в свое обычное русло. Но эта истина не мешает правящему классу гневно возбуждаться против любого проявления рабочей власти, а политические забастовки – иметь последствия, выходящие далеко за пределы их сиюминутных целей. Когда социальные условия становятся невыносимыми для рабочих, когда социальные или политические кризисы грозят им разорением, неизбежно, что массовые акции и гигантские забастовки разгораются спонтанно, как естественная форма борьбы, несмотря на все возражения и сопротивление существующих профсоюзов, неотразимо, как грозы из-под сильного электрического напряжения в атмосфере. И снова перед рабочими встает вопрос, есть ли у них шанс против власти государства и капитала.

Неправда, что при насильственном подавлении их организаций все теряется. Это только внешняя форма того, что, по сути, живет внутри. Подумать только, что с помощью таких правительственных мер рабочие должны внезапно превратиться в эгоистичных, узко мыслящих, изолированных личностей старых времен! В их сердцах все силы солидарности, товарищества, преданности классу остаются живыми, еще более усиливаются в

неблагоприятных условиях; и они будут утверждать себя в других формах. Если эти силы достаточно сильны, то никакая сила сверху не сможет нарушить единства забастовщиков. Там, где они терпят поражение, это происходит в основном из-за уныния. Никакая правительственная власть не может заставить их работать; она может только запретить активные действия; она может только угрожать и пытаться запугать их, пытаясь страхом разрушить их единство. Может ли это быть успешным — зависит от внутренней силы работников, от духа организации внутри них. Безусловно, таким образом предъявляются самые высокие требования к социальным и моральным качествам; но именно по этой причине эти качества будут напряжены до самой высшей степени и закалены, как сталь в огне.

Это не дело одного действия, одной забастовки. В каждом таком состязании сила рабочих подвергается испытанию, достаточно ли крепко их единство, чтобы противостоять попыткам правящих властей его нарушить. Каждое состязание вызывает новые напряженные усилия по его укреплению, чтобы не быть нарушенным. И когда, собственно, рабочие остаются стойкими, когда, несмотря на все акты запугивания, подавления, изоляции, они выдерживают, когда ни одна группа не уступает, то именно на другой стороне проявляются последствия забастовки. Общество парализовано, производство и движение останавливаются или сводятся к минимуму, функционирование всей общественной жизни затруднено, средние слои населения встревожены и могут начать советовать уступки. Потрясается власть правительства, которое не в состоянии восстановить старый порядок. Его власть всегда заключалась в прочной организации всех должностных лиц и служб, руководствующейся единством цели, воплощенной в одной самоуверенной воле, все они привыкли по долгу службы и убежденности следовать намерениям и указаниям центральных властей. Когда же она выступает против массы народа, она все больше ощущает себя тем, чем она является на самом деле — правящим меньшинством, внушающим благоговение лишь до тех пор, пока она казалась всемогущей, могущественной лишь до тех пор, пока она была бесспорной, до тех пор, пока она была единственным твердо организованным телом в океане неорганизованных личностей. Но теперь большинство также твердо организовано, не во внешних формах, а во внутреннем единстве. Стоя перед невыполнимой задачей навязывания своей воли мятежному населению, правительство растет неуверенным, расколотым, нервным, пробуя разные пути. Более того, забастовка препятствует взаимодействию властей по всей стране, изолирует местные и отбрасывает их назад к собственным ресурсам. Таким образом, организация государственной власти начинает терять свою внутреннюю силу и прочность. Использование вооруженных сил также не может помочь иначе, как с помощью более жестоких угроз. Наконец, армия состоит либо из рабочих, одетых по-другому и находящихся под угрозой ужесточения закона, но не предназначенных для использования против своих товарищей; либо это меньшинство против всего народа. Если приказать стрелять по безоружным гражданам и товарищам, навязанная дисциплина в конце концов должна сдаться. И тогда государственная власть, помимо своего морального авторитета, потеряла бы самое сильное материальное оружие, чтобы держать массы в повиновении.

Такие рассуждения о важных последствиях массовых забастовок, как только крупные социальные кризисы подстегивают массы к отчаянной борьбе, могут, конечно, означать не больше, чем видение возможного будущего. На данный момент, под смягчающими

последствиями промышленного процветания, не было сил, достаточно сильных, чтобы подтолкнуть рабочих к подобным действиям. Против угрожающей войны их профсоюзы и партии ограничились тем, что исповедовали свой пацифизм и интернациональные чувства, не имея воли и смелости призывать массы к отчаянному сопротивлению. Таким образом, правящий класс мог принудить рабочих к своим капиталистическим массовым действиям, к мировой войне. Это был крах явлений и иллюзий самоудовлетворенной власти рабочего класса того времени, раскрытых теперь как внутренняя слабость и недостаточность.

Одним из элементов слабости было отсутствие четкой цели. Не было и не могло быть четкого представления о том, что должно произойти после успешных массовых акций. Последствия массовых ударов до сих пор казались только разрушительными, а не созидательными. Это, конечно, было не так; решающие внутренние качества, основа нового общества, развивались из схваток. Но внешние формы, в которых они должны были сформироваться, были неизвестны, никто в капиталистическом мире в то время не слышал о рабочих советах. Политические забастовки могут быть лишь временной формой борьбы; после забастовки созидательный труд должен обеспечивать постоянство.

Версия #1

Артём создал 30 декабря 2025 08:34:13

Артём обновил 30 декабря 2025 08:35:10